

В одном из интервью народная артистка России Ольга Волкова с горьким юмором заметила, что людей, сохраняющих достоинство в жизни и профессии, следовало бы награждать Знаком отличия с девизом «ВОПРЕКИ». Ее жизнь и судьба во многом складываются вопреки обстоятельствам, с которыми она не мирится, которые отрицает и... побеждает силой таланта, верой и сохраненной с детства «энергией заблуждения». Она врывается в жизнь, невзирая на препятствия, трудности, бесстрашно берет высоту, не глядя ни вверх, ни вниз, подчиняясь озарениям интуиции — свойству одаренных натур. Как-то подросток, склонный к ассоциативному мышлению, сравнил лицо актрисы с «лунным светом». Его конкретное и реалистичное видение было лишено поэзии «Маленького принца». Лунный свет Ольги Волковой завораживает, пленяет, ведет за собой. Начиная с первых ролей актриса ценит прежде всего редко выпадающее художнику счастье полного самовыражения, высказывания, не вставая на котурны и не претендуя на исключительность. Режиссер, театральный педагог Зиновий Яковлевич Корогодский называл Ольгу Волкову одной из самых последовательных и верных своих учениц. На протяжении полувека служения искусству в разных театрах, кинематографе, на телевидении она стремится сохранить тот уровень, ту планку, которая была задана легендарной Школой Корогодского, — достоинство в жизни и профессии, которое может быть отмечено Знаком отличия с девизом «ВОПРЕКИ».

Энна Романовская

ОЛЫГА

ВОЛКОВА

ПЕРЕКРЕСТКИ СУДЬБЫ

о моем Доме,
о моем Театре

Хочу поблагодарить всех тех, кто помог мне в создании этой книги, и прежде всего удивительного талантливое человека Энну Романовскую, которой удалось не только организовать меня, но и разыскать архивные материалы, связанные с творческой деятельностью моего деда.

Выражаю глубокую признательность Банку Зенит за предоставленную финансовую поддержку, а также коллективу издательства «Гамма-Пресс», давшему книге новую жизнь.

СОДЕРЖАНИЕ

МОИ АДРЕСА ... 9

Бульвар Профсоюзов, 11 ... 9

Адмиралтейский проспект, 1 ... 83

Площадь искусств, 1 ... 100

Моховая, 35 ... 106

Пионерская площадь, 1 ... 143

Невский проспект, 56 ... 202

Набережная Фонтанки, 65 ... 237

МОЯ МАСТЕРСКАЯ ... 271

Антонина Шуранова ... 323

Елизавета Уварова ... 328

Павел Луспекаев ... 331

Александр Хочинский ... 336

Виктор Гвоздицкий ... 337

Слава Полунин ... 339

*Жил старик, хозяйственный, веселый,
Русский человек с широкою душой.
Шел он по полям, по деревням и селам,
Шел он по дорогам к стороне чужой.
Россия! Дожди косые.
Леса густые, реки и поля.
Россия, матушка Россия!
Россия — это русская земля.
Россия — это русская земля.*

Мама со своей сестрой поют на два голоса эту грустную и очень красивую песню. Тихо постукивают колеса. Длинный состав медленно едет через пустые развороченные поля. Кое-где торчат из земли дула пушек, перевернутые танки. Я смотрю в окно. Мы возвращаемся из эвакуации домой, в Ленинград. Мне кажется, что едем долго-долго, целую вечность. И не только потому, что поезд часто останавливается и идет очень медленно. Путь ведь не близкий: Новосибирск — Ленинград! Просто мне очень хорошо. Мы возвращаемся всем домом, всей семьей. Мы — это дед, бабушка, мама, мамина сестра со своим шестилетним сыном Геннадием, мой родной брат Игорь, ему уже девять лет, и я — пятилетняя. Не хватает только тетиного мужа, который не вернулся с фронта — пропал без вести (а это значит, что еще есть надежда!) — и моего отца, который чудом выжил в блокадном Ленинграде и будет встречать нас на вокзале.

Этот поезд похож на длинный дом, наполненный замечательными веселыми людьми. В нем возвращается из эвакуации Александринский театр, где дед работал артистом. Вместе с труппой едут студенты — будущие артисты. Поезд обжили сразу. Тамбуры превращены в кухни, где на примусах женщины по очереди готовят обед. В купе висят уютные занавески, на столиках стоят цветы. А главное, постоянно слышатся песни под гитару, хохот, бесконечные розыгрыши. Я со своим неумным любопытством тянулась к молодежи, а поскольку очень любила танцевать и смешить, то студенты включили меня в разыгрываемые ими импровизационные сценки.

Вот по вагону движется вереница разряженных в пестрые тряпки «цыган». Девушки, приплясывая, поют под гитару зажигательную песню. Возглавляет это шествие их педагог — тогда еще совсем молодой, замечательный артист Юрий Владимирович Толубеев. Он изображает слепого, держа в одной руке шляпу для подаяния, а за другую руку, как поводырь, веду его я.

«Цыгане» вваливались в купе, заводили плясовую, а меня ставили на столик. И я, тряхнув платком, начинала выплясывать «цыганочку». Из-за маленького роста и щедрости я выглядела года на четыре, поэтому задуманный трюк срабатывал каждый раз безотказно. Конечно, все умирали от смеха и щедро кидали деньги в шляпу «слепого». Обнаглев от успеха и реально заработанных денег, молодежь решила постучать в купе корифея и ведущего артиста Александринки Юрия Михайловича Юрьева. Корифей был строг, и его побаивались. Но кураж разошедшихся «цыган» оказался сильнее страха. Меня поставили на стол, и номер повторили. После завершающего аккорда Юрий Михайлович помолчал, а потом сказал очень серьезно:

— Эта девочка будет артисткой.

Вот с этим удивительным предсказанием моего будущего, которое сама еще не предчувствовала, я и въезжала в город Ленинград. Это был 1944 год.

PETRO PRIMO
CATHARINA SECUNDA
MDCCCLXXXII

Наш первый послевоенный адрес.

Вход в большую трехкомнатную квартиру был со двора, куда выходили окна одной из комнат. 9

Окна двух других комнат выходили на бульвар.

Все четыре высоких окна начинались прямо от

БУЛЬВАР ПРОФСОЮЗОВ, 11

тротуара, поэтому квартира считалась подвалом, была очень холодной и сырой. Половицы в огромной 25-метровой кухне полусгнили, из-под пола несло сыростью и холодом. Дед долго латал их фанерными заплатами, но теплее не становилось. Истратив кучу денег сначала на дрова, а потом на торфяные брикеты, стали выяснять причину постоянной сырости. Оказалось, что дому более ста лет и прежде в нашей квартире была булочная, а под кухней обнаружили огромную яму, заполненную водой, — очевидно, бывший погреб.

Но ни холод, ни сырость не могли омрачить радости возвращения домой. После долгой раз-

луки собрались все вместе! Мы в Ленинграде, и скоро должна кончиться война!

Обставляли новое жилье чудом уцелевшими вещами и кое-какой мебелью из довоенной квартиры, которую потеряли во время блокады (ее заняли беженцы).

До сих пор не понимаю, как уцелели все эти вещи: старинные фотографии, письма, документы... В роскошных рамках — портреты М.Г. Савиной, В.Ф. Комиссаржевской, акварели дедушкиных друзей, художников Кустодиева и Лапшина, фарфоровая кукла, с которой в детстве играла бабушка, и даже абсолютно бессмыслен-

Ольга Байковская, мама
сестра и моя тетя

ные полуметровые узкие блюда кузнецовского фарфора для осетров. Все это разносилось по комнатам. Каждый устраивал и обживал свою территорию, прилагая немалую фантазию и изобретательность, добиваясь уюта.

В одной из комнат поселилась мамина младшая сестра Ольга Ивановна Байковская, она же Люся, или, как дети ее называли, Тяптя, с шестилетним сыном Геннадием. Эту очаровательную высокую стройную женщину Бог щедро наградил множеством талантов. После школы она вместе с мамой окончила музыкальный техникум и школу западноевропейских танцев. Прекрасно пела, танцевала, играла на рояле, гитаре и

была одаренной актрисой. Увы, судьба сложилась так, что она не смогла реализовать себя в театре. Выйдя до войны замуж, она родила в 1938 году сына, а уже в 1941-м уехала с дедом в эвакуацию. Только там ей удалось поиграть в Ансамбле старинных водевйлей, который возглавлял дед. По возвращении в Ленинград надо было зарабатывать на жизнь, а Ансамбль в это время прекратил существование.

Ольга Ивановна сначала работала копировщицей, а потом, окончив курсы, стала техником в НИИ. Там иногда она участвовала в самодеятельных спектаклях. Я видела ее в роли Мерчуткиной в чеховском «Юбилее», который поставил дед, и поняла, что она могла стать блестящей острохарактерной актрисой.

Воспоминания о маме и тете убеждают меня в том, что артистизм — Божий дар, талант, который не только помогает человеку во всем, чем бы он ни занимался, но и создает вокруг него атмосферу праздника. Ольга была замечательной кулинаркой, шила, вязала, умела организовать дом, быт. Она обладала безупречным вкусом.

В другой комнате устроились мы: мама, папа, брат Игорь и я. Эта комната отличалась особым аскетизмом, несмотря на мамины старания придать ей уют

и тепло. Все было подчинено сильной воле моего отца — Владимира Александровича Политова. Человек он был особенный и не совсем вписывался в наш легкий, веселый и дружный дом. Он ходил на своего прадеда, барона фон Хорста. Типичный «остзейский» немец, невысокого роста, крепкого телосложения, с боль-

Отец — Владимир Александрович Политов
Мама — Ксения Ивановна Политова (1947 г.)

Свадебная фотография
мамы и папы (1933 г.)

Игорь, мама, отец и я (1945 г.)

шими серыми глазами и довольно крупным носом. Отец всегда носил крахмальные воротнички, отращивал «баки», ходил в шляпе и с тростью. Он был аккуратен до педантизма, жил в жестком режиме и настоятельно требовал того же от мамы и детей.

Окончив до войны мореходное училище, он несколько лет плавал механиком на судах торгового флота, часто бывал за границей. Занимался спортом и стал чемпионом области по боксу. До самой глубокой старости поддерживал физическую форму: купался до ноября в шуваловском озере, не расставался с гантелями. Отец был вспыльчив, мог взорваться по любому пустяку и так неожиданно, что мы его побаивались.

Как-то, когда отцу было уже семьдесят лет, он шел вечером по улице, и его остановили двое пьяных:

— Ну что, жидовская морда, идешь?

— Иду, сынок, иду! — ласково ответил отец и, обращаясь ко второму, попросил: — Подержи палочку!

Тот растерянно взял палку, а через секунду обнаружил своего товарища лежащим в нокауте. Отец забрал свою палку и спокойно пошел дальше.

Будучи трудоголиком, он работал не только вечерами, но и по воскресным дням, а значит, мы не должны были ему мешать.

Он блестяще знал немецкий язык и заставлял нас заниматься с его знакомой немкой Эдлей, которую мы с братом люто ненавидели и называли «Едлой».

Отец нас очень любил, гулял с нами, читал книги вслух. При довольно жестком характере был сентиментален и часто, умиляясь, смахивал слезу. Всем нам давал прозвища: я — Крохотуленька, Игорь — Тытыш, а мама — Глупыш.

Он не выговаривал букву «л», но, как нарочно, выстраивал фразы, где преобладала именно эта буква. Мы с братом потихоньку давились от смеха, когда он, обращаясь к маме, говорил:

— Гуупыш, дай пауатенце. Хотя, уадно, не надо, я сам нашоу.

Петь отец любил исключительно первую строчку арии Лизы из «Пиковой дамы»:

— Ах, истомиуась, устауа я!

Дальше шла мелодия без слов.

Он обладал еще одной странной, совсем не безопасной по тем временам привычкой: целовал дамам «ручки» (всем без исключения) и говорил совершенно незнакомым людям «господа».

Работал отец инженером по технике безопасности, читал лекции. Обладая светлой головой и неуживчивым характером, он постоянно нарывался на неприятности. Однажды, выражая несогласие с решением какой-то технической проблемы, он

Я с папой

публично так едко высмеял начальника за безграмотность, что тот, обозлившись, написал на отца донос. За домом началась слезка.

Как-то мы с папой вышли гулять. Напротив дома на скамейке дремал старичок, который, наверное, уже не раз попадался ему на глаза. Подойдя, отец дотронулся до его плеча.

— Дедушка, на работе спать нельзя. Я уже вышел из дома, а вы спите.

И мы пошли дальше.

Это был 1947 год. Когда опасность, что за отцом со дня на день «придут», стала реальной, он решил уехать из города.

Отец долго работал на строи-

тельстве Волго-Донского канала, даже сделал там какое-то очень серьезное техническое изобретение. Адрес он нам не оставил, чтобы мама не смогла «ответить», где он, если ее вызовут в КГБ. Но деньги домой как-то ухитрялся пересылать.

Через несколько лет отца все-таки арестовали. Привезли в Ленинград, судили, дали 10 лет. Мама продала все, что было возможно, чтобы нанять адвоката.

Дед — Иван Александрович
Кошек (1911 г.; позже взял
псевдоним Вольский)

В 1955 году отца освободили и реабилитировали. Но, когда он вернулся в Ленинград, у него была уже другая семья.

В третьей комнате, всеми нами любимой, теплой и уютной, устроились дедушка с бабушкой. Их комната была сердцем и душой нашего дома. В ней стоял большой прямострунный рояль (дед где-то достал), на стенах висели акварели, сделанные бабушкой во время бесконечных гастролей, фотографии сцен из водевилей, портреты с автографами Ходотова, Хенкина, Марджанова, великого Давыдова:

«Дорогому, хорошему, милостому и сердечно любимому другу Ванюше Вольскому на добрую память. Не забывай, родной, старого друга, деда В. Давыдова. Москва, 17 мая 1924 г.»

На рояле стояли красивые японские безделушки. Над обеденным столом висел сделанный бабушкиными руками изящный абажур. На окнах — шторы, которые когда-то использовались для оформления сцены в одном из дедовских спектаклей. Широкую тахту покрывало красивое сюзане. Обстановку завершали трюмо, письменный стол деда и даже маленький ломберный столик.

От деда и бабушки, проживших вместе огромную жизнь, исходило особое тепло, ощущение надежности, защиты и настоящего дома, которое я никогда больше не испытывала.

Они были знакомы с детства. Дед влюбился в бабушку, Ека-

Дедушка с бабушкой 50 лет спустя (юбилей)

Великий артист Александринского театра, педагог и большой друг деда В.Н. Давыдов

Артист Николай Ходотов

Силому, Силому, Силому и сердцем моему
Другу Николаю Ходотову из Давыдова
и Душана Франк, сэр Вильям Блейк Не забывая
в сердце своем дружище В.Н. Давыдова
Майкла
17 Мар 1928 г

Артист Владимир Хенкин

Другу Макс Новоселову 1932 г
— коллегам Макс Ходотову
I ласкый арчесте, релюваче и ардрине.
Коллежиста макс Ходотов, Макс, сент. и Грдей.
Де Макс? - а дурин - Мелодомог
раскан и елте

терину Васильевну Эрвольдер, когда ему было семь лет. Он написал ей письмо с объяснением в любви. Но письмо попало в руки другой Эрвольдер — Екатерине Вильгельмовне, ее двоюродной бабке. Вышел большой конфуз.

Бабушка в 1911 году окончила в Петербурге Стоюнинскую гимназию, а в 1912 вышла замуж за деда, Ивана Александровича Кошека, который в это время окончил Театральные курсы. Выдающаяся артистка Мария Гавриловна Савина в своем уче-

Бабушка — Екатерина Васильевна Кошек (1947 г.)

нике души не чаяла. А когда в 1913 году родилась моя мама, Мария Гавриловна крестила ее. Она подарила дюжину серебряных ложек и книгу «Воспоминания о поездке за границу» с дарственной надписью: «Крестнице моей, Ксаночке, от Марьи Гавриловны». Эта книга хранится в доме по сей день.

Бабушка была очень умным, тонким человеком. Знала два языка, прекрасно рисовала и была замечательной пианисткой. Она мечтала поступить на Бес-тужевские курсы и учительствовать в сельской школе, но, выйдя замуж за деда, посвятила всю свою жизнь ему и семье. Работая с дедом в Ансамбле старинных водевелей, она была его незаменимой помощницей: аккомпанировала в музыкальных номерах, гладила костюмы, раскладывала реквизит.

Бабушке удавалось создавать домашний уют везде, где бы они ни оказывались во время многочисленных гастролей, будь то гостиница или поезд. Я с детства помню дубовые листочки для бутербродов, выпиленные дедом из фанеры, мельхиоровые подставки под вилки и ножи, накрахмаленные салфетки. И конечно, всегда и везде вместо казенных занавесок бабушка вешала на окна что-нибудь уютное и домашнее. Даже

Бабушка — Екатерина Васильевна
Эрвольдер (1911 г.)

на стенах купе развешивались фотографии детей и внуков, а также ее акварели.

Высокая, худенькая, она всегда следила за собой. Много читала, непременно пользуясь маленьким географическим атласом, который брала в поездки, чтобы точно знать место действия романа или повести. Бабушке было все интересно. Делая работу по дому, она слушала радио. Когда мы уже учились в школе, помогала нам с математикой.

Дед и бабушка были такими разными! Он — озорной, темпераментный, шумный, а бабушка — полная ему противоположность: сдержанная, молчаливая, подтянутая. Они очень любили друг друга, никогда не расставались и прожили вместе до глубокой старости.

Из внуков бабушка больше всех любила моего двоюродного брата Геннадия, тихого, ангельски красивого. Он хорошо рисовал, собирал цветы...

На меня бабушка взирала с нескрываемым огорчением, потому что я очень мало походила на «барышню», какой ей хотелось бы меня видеть. До сих пор слышу ее низкий голос после очередной моей выходки:

— Ляля, как ты можешь, ты же барышня!

Бабушка занималась с нами музыкой, несмотря на наше отчаянное сопротивление. Вершиной совместного творчества стало исполнение детьми в шесть рук «Марша Черномора» на одной из рождественских елок.

В доме был культ праздников. Особенную праздничную атмосферу даже в самых, казалось бы, неподхо-

Геннадий Байковский, двоюродный брат

дующих ситуациях умел создать дед. Когда мы засиживались допоздна в гостях и уже клевали носом, дед, понимая, что предстоит долгая дорога домой, вытаскивал нас на улицу и неожиданно громко объявлял:

— Мазурка!

Схватив кого-нибудь за руку, он неся по мостовой, громко напевая мотив мазурки. Мы с хохотом, разобравшись на пары, летели за ним.

А наши уютные, ежедневные «фрыштыки», которые готовила бабушка: черный кофе и узенькие подсолненные кусочки черного хлеба (грэнки). А ужины!.. Каждый вечер непременно кто-то приходил в гости, так как дом на бульваре Профсоюзов очень скоро стал для многих наших друзей желанным пристанищем.

Если это званый ужин, а таких ужинов было много, накрывала на стол бабушка.

Ритуал организации стола соблюдался неукоснительно. Гостей рассаживали так, чтобы стол был «живой»: мужа с женой растаскивали по разные концы. Под каждую тарелку клали картонный кружок с карикатурой и маленькой эпиграммой на гостя. Из скудных продуктов бабушка творила чудеса. Она чистила дешевую кильку таким образом, что та, свернутая в рульку

Оля Политова, 9 лет

Игорь Политов, родной брат,
13 лет

и проткнутая гвоздичкой, превращалась в довоенный «рольмопс». Взбивался из яиц и подсолнечного масла настоящий «провансаль». Заранее затиралась из порошка горчица, затем приправлялась мадерой и чем-то еще. А уж какими натюрмортами украшала Ольга салаты и прочие яства, не описать!

Сдвигали столы, на стулья клали длинные доски, обернутые клеенкой, чтобы всех усадить. Затем появлялись гитара, банджо и... начиналось такое веселье с романсами, анекдотами, песнями — с ума сойти! Не могли наговориться, напеться, нахохотаться. После застолья убирали столы, и начинались танцы под патефон. Когда в патефоне срывалась пружина, кто-нибудь крутил пластинку пальцем. Мама с сестрой танцевали румбу, вальс-бостон, а мы, дети, конечно, тут же проходили курс обучения. Господи, какое же это было счастье! А как они спорили! Однажды кто-то из гостей рассказал историю про то, как один человек, делая ремонт, залез на шкаф. Лестница упала, и он просидел на шкафу часа два, пока не пришла жена и не спасла его. Рассказанная история вызвала бурную реакцию. Первой возмутилась моя чопорная, но не лишенная чувства юмора бабушка:

Карикатуры на бабушку, маму, деда

— Какая глупость! Не слезть со шкафа!

В бабушкиной комнате стоял огромный платяной шкаф, и она потребовала, чтобы ее посадили на него. Она довольно легко спустилась вниз благодаря своей худобе и высокому росту. После бабушки на шкаф залезали все гости по очереди. Последний опыт оказался неудачным — полез Владимир Михайлович Казаринов, замечательный артист, друг деда. Он был солидный, высокого роста, с огромным животом. И вот, когда он попытался спуститься со шкафа, то именно на животе и «повис». Что было дальше, описать трудно. Он орал от боли, матерился, а все так хохотали, что не могли ему ничем помочь. Крик стоял такой, что дрожали стекла.

Гости редко пользовались дверями. Распахивались окна, выходящие на бульвар Профсоюзов, вылезал с банджо знаменитый тогда Джон Данкер, с хохотом вываливались провожающие и сажали гостей на трамвай. Таким же образом возвращались обратно: окна закрывали, и на бульваре воцарялась тишина.

Чем труднее жили, тем больше устраивали праздников, лишь бы был повод. Отмечались дни ангелов, календарные дни, дни рождения по старому и новому стилю... Украшали все комнаты шуточными стенгазетами, смешными объявлениями.

Для нас, детей, самым счастливым днем в году было Рождество. Отмечали его всегда 24 декабря, так как дед был лютеранином. После войны остались кое-какие елочные игрушки, но сохранялась замечательная традиция самим делать украшения для елки. Накануне мы с братьями усаживались с бабушкой за стол с приготовленной на нем цветной бумагой, фольгой, картоном, клеем и красками. Самое легкое, нарезав разноцветную бумагу, клеить звенья для длинных бумажных цепей. Делали маленькие домики с ватным «дымом» из трубы. Разрисовывали клоунские головки в разноцветных колпачках. Обклеивали ватные шарики атласными лоскутками. Шедевром бабушкиного творчества был настоящий маленький танк из серебряной фольги. А уж сделанный ею дед-мороз, одетый в ватную шубу, обклеенную нафталином и осколками битых елочных игрушек, буквально поражал роскошью. Мы трудились вовсю,

сопя и кряхтя, но все окупалось радостью, когда видели горы елочных игрушек, сделанных своими руками.

А дальше... дальше начинались напряженные, нервные дни. Из года в год взрослые повторяли для нас одну и ту же игру. Нам объявляли, что елки в этом году не будет, так как мы плохо себя вели, или нет денег, или перестали продавать елки. Мы понимали, что, наверное, это не так, но верили, как дураки, что елки действительно может не быть. Накануне 24 декабря нас укладывали спать в одной из комнат. Сна не было. Мы прислушивались, принимались — ничего. И вдруг — за дверями какой-то шум, шушуканье взрослых, а из-под дверей вместе со сквозняком проползал сказочный, незабываемый елочный запах. Потом раздавался скрип дверей, ведущих в бабушкину комнату, где всегда стояла елка, огромная, до потолка. И все затихало. До следующего вечера мы оставались в неведении. Однажды братья стали меня ночью подзуживать:

— Слабó пробраться в Бубину комнату (так мы называли бабушку), посмотреть, стоит ли там елка?

Я категорически отказывалась, понимая, что этого делать нельзя. Но они не унимались:

— Трусиха, трусиха! Боишься!

Этого оскорбления я вынести не могла. Прокравшись на кухню, стала приоткрывать запретную дверь, которая предательски громко заскрипела. И тут же выскочил дед. Таким сердитым я его не видела никогда:

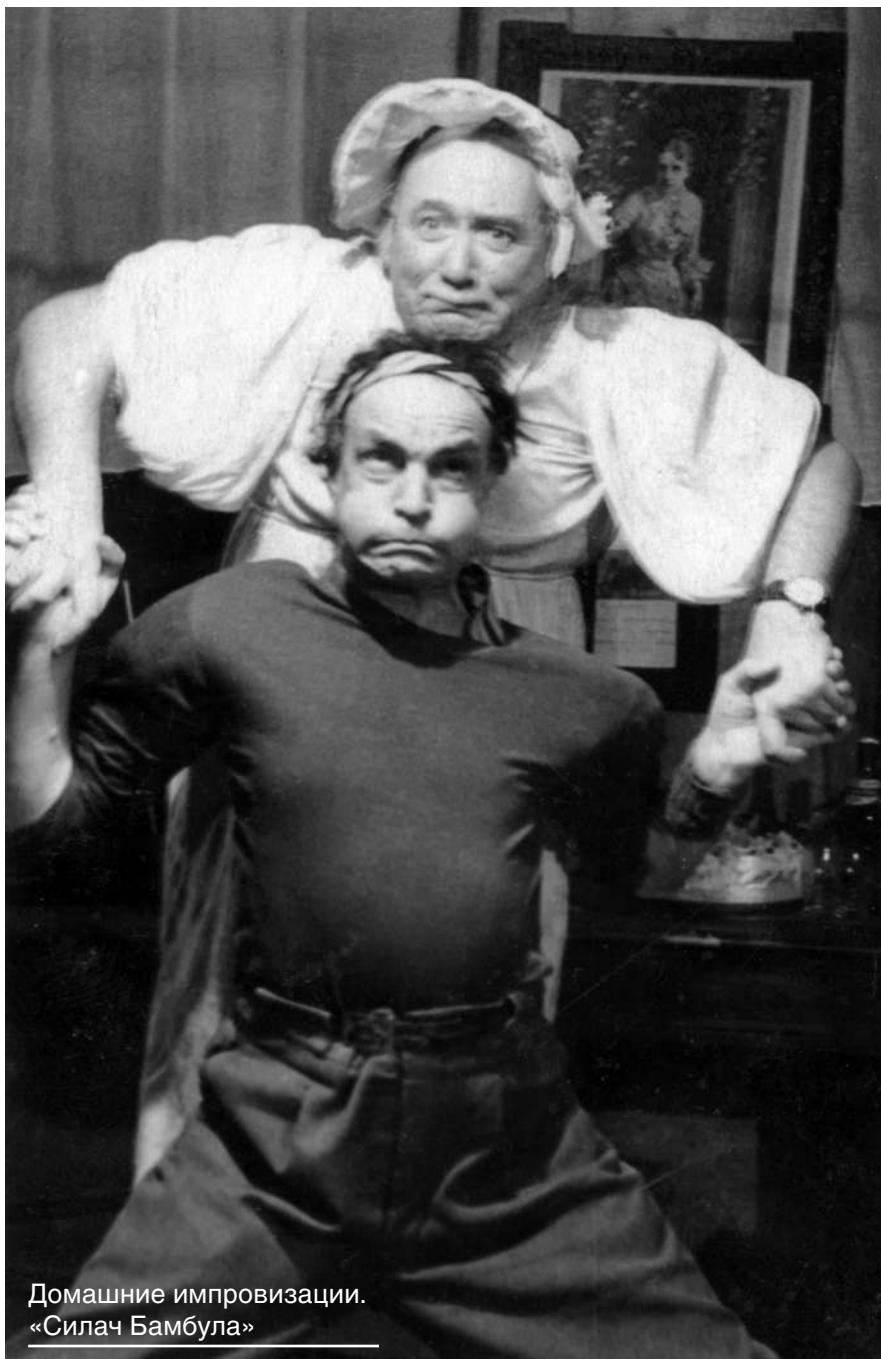
— Это что такое! Все! Завтра все будете наказаны! Никаких праздников не будет! Марш в свою комнату!

Я чуть не разревелась, поняв, как его огорчила: взрослые с азартом готовились к празднику и радовались, наверное, больше, чем мы. Это была игра в тайну, где они сами превращались в детей.

На следующий день вечером нас опять запирали в комнате. И мы, нарядно одетые, но совершенно измученные, голодные, дожидались сигнала. И вот за нами приходят. Подводят

Дед и В.М. Казаринов. Домашние импровизации. «Вот что наделали песни твои!»

Домашние импровизации.
«Силач Бамбула»

Я танцую
с В.М. Казариновым

к скрипучей двери, из-за нее слышатся звуки торжественного марша, который на рояле играет бабушка. Это сигнал! Двери открываются, мы входим. В темной комнате — сверкающая зажженными свечами, огромная, всегда больше и наряднее, чем себе представляли, елка. Взрослые сидят вдоль стен. Мы их не видим. Обалдев, не можем двинуться с места. Стоим с открытыми ртами. Раздается дружный, радостный хохот взрослых. Они наслаждаются нашим обалдением. Дальше по традиции самый младший (а это значит я!) лезет под елку и раздает всем подарки. Взрослым и детям. Комната наполнена запахами елки и праздничного стола. Но я еще должна по той же традиции задуть на елке все свечи. Меня поднимают на руки, и я дую, дую, дую до одурения, пока не начинает кружиться голова. Есть уже не хочется. Хочется только спать от долгого ожидания и пережитых волнений. Меня уносят спать.

С братьями мы росли очень дружно. Старший, Игорь, был лидером, сильным и бесстрашным. Ген-

Так мы и росли втроем — Геннадий, я и Игорь

надий — увалень. А я старалась не отставать от старшего, то есть ничего не бояться, но если между братьями возникала потасовка, то я, как кошка, бросалась защищать Геннадия. Бывало, что доставалось и мне. Но жаловаться и ябедничать запрещалось. У нас были свои тайны, свои маленькие грешки. Нам, например, не давали конфет, так как считалось, что они портят зубы. Конфеты лежали у бабушки в шкафу, под бельем, и выдавались нам очень редко по штучке. Однажды мы потихоньку перетаскали все до одной. Когда обнаружилась пропажа, бабушка посадила всех троих за стол — и начался допрос: кто взял конфеты. Мы молчали, как партизаны. Никакие увещевания не действовали. Наконец бабушка решила прибегнуть к крайней мере, указав на висящую в углу икону:

— Воровство — это самый страшный грех. Бог все видит. И я узнаю, кто это сделал.

Тут я не выдержала:

— А как ты узнаешь? Он тебе подмигнет?

Больше воспитательных разговоров на религиозную тему с нами не проводилось.

Нам много читали, много рассказывали о наших предках, о довоенной жизни. Особенно волновал рассказ о наводнении 1924 года, когда вода доходила до первого этажа, а люди, застигнутые на улице врасплох, проваливались в открытые люки, которые выбивало напором воды. Люков в нашем дворе было очень много. Нева рядом. Осенью и весной почти каждую ночь объявлялось «угрожающее положение». По радио через получасовые интервалы сообщали об уровне повышения воды. Взрослые укладывали тюки с вещами на шкафы, готовили пакеты со всем необходимым, что можно унести с собой. Особую опасность представляла яма с водой, находящаяся у нас под полом. В восторге были только мы, дети. Мое воображение рисовало самые невероятные картины. Сохранилась запись в «Дневнике погоды» (орфография и синтаксис соответствуют подлиннику):

«Ольга Владимировна Политова. Подвал. Окна стоят на понели. Под полом вода! Спасайся вода идет! В ленинграде 28 октября 1948 года была вода на „Ниве“ вышиной 25 сан-

тиметров. Все приготовились и ожидали большое наводнение, так как у Тяпти на службе в раздивалки вода вышла из под пола, и пришлось ее и всех рабочих отпустить домой. Я в то время не пошла в школу а собирала свои вещи. Политова (подпись)

Как было наводнение? Расскажи подробно!

В Ленинграде 1948 года В Ниве прибыла вода на целый 1 метр от пирил. Наконец вода вышла из берегов какое опустошение провело наводнение. Сколько магазинов и квартир (в подвале) погибли, размыло. Во всех киросиновых киросин разнесло в разные стороны по всем улицам Ленинграда. ВСЕ, что хотели сказать».

На этом дневник завершается.

Взрослые не позволяли нам болтаться без дела. Чем бы и как бы они ни были заняты — заметив нас слоняющимися по дому, тут же придумывали новую игру. При этом не жалели ни времени, ни собственного гардероба, ни своего труда, превращая убранную комнату при помощи стола, перевернутого вверх ножками, стульев, одеял и покрывал в двухпалубный корабль или в вигвам индейцев...

Но самое большое впечатление детства — это цирк, театр. А еще большее счастье и удача — увидеть на сцене нашего деда, талантливого артиста ИВАНА АЛЕКСАНДРОВИЧА ВОЛЬСКОГО. Родился дед в Петербурге в 1889 году. Его отец, Александр Кошек, приехал из Чехии и женился на норвежке Шарлотте Петронелле Даниельсен. У них родились двое сыновей.

Дневник погоды

Что такое «киськина макатуха»? Ах да, я забыла. Это язык, который Слава изобрел. На этом непонятном наречии разговаривает его очаровательный герой — и его все понимают. Для меня эта абракадабра — как бы знак той театральной тайны, которая согревает.

Когда Слава въезжает в новый город, он с дикой скоростью обегает все комнаты своего нового жилья, выбирает свой угол (это только его право), соотносит себя со стенкой, со светом, с пространством — и развешивает по стенкам картинки. Одна у него висит всегда: два странных мужичка в кепочках, в профиль, несут на палке вниз головой гигантских засушенных кузнечиков. Надо сказать, этот фотомонтаж ошеломляет. Что это значит? Неизвестно. Почему висит? Он сам затрудняется ответить. Просто как-то набрел на открыточку, что-то она ему навеяла. Он ее повесил на стенку и стал думать. Может быть, когда-нибудь из этого получился спектакль?

Его знают даже те, кто не знает. Кому угодно покажите его фотографию — вам улыбнутся в ответ и без запинки произнесут пароль: «Детектива, кино, ассисей!».

Вячеслав Полунин — знаменитый клоун и мим, «наш человек» в Англии, который бывает теперь в Москве и Петербурге проездом. Автор очаровательных клоунских номеров, реприз, масок, героев, спектаклей. Создатель нашумевшего в 1980-е театра «Лицедей». Вдохновитель «Каравана мира» — международного фестиваля уличных театров, когда-то ошарашившего обе российские столицы, а затем пропахавшего всю Европу.

Рассказывает о нем Ольга Волкова — актриса не просто замечательная, но еще и причастная к Великой Клоунской Тайне. И, честное слово, рассказчица и ее герой друг друга стоят!

Записала Наталья Казьмина
ЭКРАН И СЦЕНА, 1999, № 1

ББК 85.334.3(2)

В 67

В 67 Блестяще написанная книга знаменитой актрисы театра и кино, народной артистки России Ольги Волковой рассказывает о ее семье, о Доме, который сформировал ее как личность и как актрису, и о ее Театре — о тех людях, которые открыли для нее законы творчества и посвятили в таинство профессии.

Для любителей театра и кино, а также всех, кто неравнодушен к прошлому, настоящему и будущему российской культуры.

ISBN 978-5-9612-0036-2

© Издательство ГАММА-ПРЕСС, 2013

© Волкова О.В., 2013

Издание выпущено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Ольга Волкова

Перекрестки судьбы: о моем Доме, о моем Театре

Редактор *Галина Шерихова*
Дизайн *Дмитрий Аникеев, Любовь Иванова*
Верстка *Любовь Иванова*
Корректор *Валентина Голяховская*

ИБ № 0018

Подписано в печать 02.04.13. Формат 70х90/16. Бумага офсетная. Гарнитура Ньютон. Печать офсетная. Объем 22,0 печ. л. Тираж 1000 экз. Изд. № 18. Зак. №

ООО «ГАММА-ПРЕСС».

123022, Москва, ул. Заморенова, д. 19, стр. 3.

Тел./факс: (495) 609-07-93